

М.Л. Гальперин,
Уполномоченный Российской Федерации
при Европейском Суде по правам человека –
заместитель Министра юстиции Российской Федерации,
доктор юридических наук

**Какими будут правосудие и права человека после карантина?
Выступление на сессии «Права человека в карантине» специального
Петербургского международного юридического форума 9 1/2 «Законы
коронавируса»**

10-12 апреля в он-лайн формате состоялся специальный Петербургский международный юридический форум «Законы коронавируса». Одной из популярных сессий, организованных Минюстом России в партнерстве с Советом Европы, стала сессия «Права человека в карантине». Со-модераторами обсуждения стали автор этих строк и Генеральный директор по правам человека и верховенству права Совета Европы Кростос Якумопулос. В начале сессии к зрителям обратился с видео-посланием Председатель Европейского Суда по правам человека Линос-Александр Сицилианос.

Защита прав человека в условиях карантина стала одной из первых тем, появившихся в программе Форума. Это та проблема, которая волнует всех юристов, независимо от того, в какой сфере они практикуют. И дискуссия значительно шире и глубже, чем просто обсуждение того, в какой законодательной форме должны вводиться необходимые для преодоления пандемии меры, можно ли допустить ограничения личных свобод вне режима чрезвычайного положения, насколько конкретными и определенными должны быть предъявляемые в изоляции требования? Такие вопросы представляют определенный интерес, но никак не помогают продвинуться к пониманию того, как будет выглядеть право в пост-вирусный период, как эпидемия и ее последствия изменят саму защиту прав человека.

Изменение в последние недели не просто подходов к правовому регулированию, но самой юридической парадигмы может быть продемонстрировано введением наиболее жестких ограничений прав как раз в государствах, уровень защиты свобод в которых считался наиболее высоким. Например, страна, где располагается штаб-квартира Совета Европы – Франция – посчитала возможным установить автоматическое продление во внесудебном порядке ареста как меры пресечения для тысяч подозреваемых. Просто невозможно вообразить, какую реакцию такая мера, затрагивающая самую суть защищаемых ЕКПЧ свобод, вызвала бы еще несколько месяцев назад? Но сейчас, в карантине, она воспринята если не с поддержкой, то с пониманием. С чем связано такое кардинальное и стремительное изменение отношения к правам и свободам?

Нас, юристов, учат в университетах, что право – это всегда про баланс частных и публичных интересов, про то, что свобода одного заканчивается там, где начинаются права другого, и, что наши права могут быть ограничены в интересах других людей, причем тех людей, имен которых мы не знаем. Как раз вокруг баланса частных и публичных интересов строилась вся существовавшая до сих пор система оценки правомерности действий государств, их позитивных обязательств по обеспечению индивидуальных прав граждан, по установлению конвенционных пределов публичного вмешательства в частные дела, ограничений права на жизнь и личную неприкосновенность.

Но сейчас в условиях эпидемии мы оказались в другой ситуации.

Во-первых, наши права ограничиваются не в интересах кого-то другого, не в интересах неопределенного целого, а в наших собственных интересах, поскольку каждый из нас находится под угрозой. Ограничения вводятся и для защиты наших собственных жизни и здоровья. Иванову запрещено выходить на улицу не для защиты прав Петрова или Сидорова, а в том числе в интересах самого Иванова. И кстати поэтому (о чем сказал Председатель ЕСПЧ Сицилианос на сессии Форума) появляются новые неожиданные конфликты фундаментальных прав, конфликты, которые раньше нельзя было представить, например, конфликт права на жизнь и здоровье - с одной стороны, с правом на свободное передвижение - с другой.

Во-вторых, у любых законных ограничений - и это тоже постулаты теории права - есть два ключевых взаимосвязанных элемента: цель ограничений и их пределы. В связи с этим ключевой вопрос, который встанет, когда эти меры будут оцениваться на соответствие Конвенции о защите прав человека, - каковы должны были быть их пределы с точки зрения соотношения силы воздействия и общественной угрозы, которую они предотвратили. К примеру, ЕСПЧ, оценивая действия вооруженных подразделений при пресечении террористической атаки определяет, адекватно ли сложившейся в тот момент обстановке действовали представители государства, лишая жизни оказавшихся на месте совершения преступления лиц? Даже в такой ограниченной во времени и пространстве ситуации, с большим объемом данных последующего расследования, судьи только с запредельной долей условности могли констатировать, что действия одного военного были правильными, а другого – нет. Тем более такая оценка будет субъективной, когда речь идет о жизни и здоровье десятков миллионов людей в условиях неопределенных прогнозов эпидемиологов, глобальных факторов политического, экономического, психологического, медицинского и социокультурного характера, о действиях в тотальной неизвестности. Нельзя забывать о том, что во всех правовых системах юридическая оценка деяния лица должна осуществляться не «с высоты положения», не с позиций последующего опыта, а исходя из положения тех людей, которые именно в момент событий принимали решения.

Для того, чтобы через несколько лет установить, соответствовали ли введенные ограничения универсальному стандарту соразмерности, нужно сначала

понять, в какой системе координат мы должны оценивать эти меры сейчас, каков масштаб и характер угрозы, которые они предотвращают? К сожалению, ответов на эти вопросы нет. Мы не знаем точно (это касается и общества, и государства, и международных организаций), можем только догадываться, как будет развиваться пандемия. Что нужно делать, что можно делать, а чего делать нельзя? Никто не понимает точный объем эпидемиологической угрозы, которую мы стараемся предотвратить. Именно поэтому вводимые правительствами ограничения объективно не могут быть оценены с точки зрения критериев соразмерности, к которым мы привыкли, именно поэтому ни сейчас, ни потом никто не сможет точно сказать, каковы должны были быть их обоснованные пределы.

В-третьих, уникальность сегодняшней ситуации заключается в том, что зачастую сами люди, общество требуют введения все больших ограничений. Такие желания оправданы естественным страхом за свою жизнь, чувством неопределенности. Проявления этих чувств во многих странах оказывают давление на органы власти. Люди спрашивают у национальных властей, почему мы не вводим эти ограничения, раз в соседних странах они уже есть, действительно ли мы находимся в безопасности без таких мер? Именно поэтому действия государств, стремящихся обезопасить своих граждан, в последние месяцы были похожи на гонку.

Можно представить, что сегодняшняя ситуация схожа с триатлоном – популярным видом спорта, где сначала все вместе плывут, потом все наперегонки едут на велосипеде, а потом еще и бегут. Сейчас мы все вместе гребем, пытаемся выгрести из ситуации, вызванной эпидемией. Но, когда мы достигнем берега, эта гонка не завершится, нам надо дальше будет гнать на велосипеде, восстанавливая национальные экономики, которые пострадают из-за эпидемии. Но, когда мы уже приедем к финишу на велосипедах, и закончится восстановление экономического роста, начнется самый последний, самый сложный третий этап – собственно бег. Этот этап будет заключаться в восстановлении общественного спокойствия, нормального хода жизни, преодолении глубокого страха, который сопутствует изоляции, в восстановлении социальных связей, системы прав и свобод человека, формировании новой парадигмы права. Как в настоящем триатлоне, это уже будет не столько соревнование с кем-то, не соревнование между странами и между народами. Это будет соревнование с самим собой, стремление к собственным рекордам, к осознанию новых граней собственной природы, к созданию лучшей версии самого себя. Это и есть то, к чему мы должны стремиться вместе, несмотря ни на какие эпидемии.